

DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018

Смена для России парадигмы развития в условиях актуализации концепции «Большой Евразии»

В.И. Балакин

Аннотация. В статье подробно рассматривается концепция «Большой Евразии», её способность гарантировать долговременную реализацию геополитической стратегии России по взаимоотношениям с Китаем и Германией. Автор отмечает, что видение стратегического пространственного развития на континенте формируется в РФ на основе ряда факторов, включая сложившуюся веками систему российских моральных ценностей, традиций, устоявшихся исторических приоритетов. Целостность евразийской территории утверждается исторической идеей географического единства российской государственности, практически полным отсутствием в ней крупных внутренних расчленений. Автор предполагает, что активизация региональной геополитики не только России, но также Китая и Германии подтолкнёт Москву к созданию собственной, привлекательной для «Большой Евразии» идеи. Показать её востребованность для некоторых стран континента Россия сможет, если её приоритетами будут экономическое развитие и комплексное обеспечение региональной безопасности. Согласно авторской гипотезе, взаимодействие России, Китая и Германии скоро оформится в полноценный геополитический альянс, нацеленный на превращение в долговременную и устойчивую структуру взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, Германия, геополитический альянс.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем США и ШОС, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Change of the development paradigm for Russia in the conditions of “Greater Eurasia” conception relevance

V.I. Balakin

Abstract. The article discusses in detail the concept of “Greater Eurasia” and its ability to guarantee the long-term implementation of Russia's geopolitical strategy for relations with China and Germany. The author notes that the vision of strategic spatial development on the continent is formed in the Russian Federation on the basis of several factors, including the centuries-old system of Russian moral values, state traditions, and established historical priorities. The integrity of the Eurasian territory is confirmed by the historical idea of the geographical unity of the Russian state, the practical complete absence of major internal divisions in it. The author suggests that the activation of regional geopolitics not only in Russia, but also in China and Germany, will push Moscow to create its own attractive idea for the “Greater Eurasia”. Russia is able to demonstrate its relevance for some countries of the continent if she develops its economics and

regional security. According to the author's hypothesis, the interaction between Russia, China and Germany is likely to take the form of a full-fledged geopolitical Alliance in the near future, aimed at turning into a long-term and stable structure of mutually beneficial cooperation.

Keywords: Greater Eurasia, Russia, China, Germany, geopolitical alliance.

Author: *Balakin Viacheslav I.*, PhD (Law), Leading Researcher of the Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: prof_bvi@mail.ru

Российский контекст концепции «Большой Евразии»

Россия рассматривает геополитическую идею «Большой Евразии» как рассчитанный на долгосрочную перспективу концептуальный формат развития и взаимодействия государств Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, а также РФ (возможно, к ним присоединятся страны европейского субконтинента), которые ориентированы на превращение крупнейшего материка в центр мировой политики и экономики. Особое значение в этом контексте приобретает трансконтинентальная транспортная инфраструктура, в том числе направления «Восток – Запад» и «Север – Юг». Она призвана обеспечить межцивилизационное взаимодействие с Евросоюзом, например, для Японии, Индонезии, Китая, Индии, России, Ирана и Турции. «Большая Евразия» будет строиться на основе традиционных ценностей в международных отношениях, отрицании любого универсализма, этнического превосходства, заведомой правоты или гегемонии. Приоритетные ценности такого формата: суверенитет, исторически сложившаяся территориальная целостность, свобода политического выбора народов евро-азиатского континента, отказ от вмешательства стран во внутренние дела друг друга. В рамках этого взаимодействия евро-азиатским государствам придётся поддерживать военно-политическую стабильность, общими силами предотвращать конфликты и создавать благоприятные условия для общественного развития и повышения благосостояния народов.

Идея «Большой Евразии» в России имеет глубокие исторические корни: православное наследие и стремление к самостоятельному выбору пути развития, к статусу ведущего игрока на мировой политической сцене, влияющего на формирование государственности в странах евро-азиатского континента. Актуализация концепции «Большая Евразия» выглядит как запрос большинства стран континента на многополярность. В российской интерпретации – отказ от вестернизации в пользу более сбалансированного взаимодействия с государствами Европы и Азии. Для Германии принципиально важная тема диалога с Россией и Китаем по будущему геополитическому устройству континента – концепция правового обустройства «Большого евро-азиатского пространства» [Herrmann: 42].

В широком географическом смысле «Большая Евразия» понимается сегодня в пределах от Атлантического и Северного Ледовитого океанов на западе и севере до Тихого и Индийского – на востоке и юге континента. Геополитическая формула «Большой Евразии» включает в себя Японию, Корейский полуостров, Китай, Юго-Восточную Азию, Индию, Ближний и Средний Восток, Россию, Евросоюз. Формирование названной концепции в значительной степени относится к коренным геостратегическим интересам России, позволяет продвигать различные проекты сотрудничества в регионе, наполняя их конкретным содержанием, формулируя привлекательную для многих идею востребованности и

эффективности многостороннего взаимовыгодного взаимодействия на евро-азиатском пространстве. Сопряжение Евразийского экономического союза с китайским проектом «Один пояс, один путь» можно назвать одним из реальных проектов подобного рода.

КНР в настоящее время явно стремится продемонстрировать России и Германии повышенное внимание к евро-азиатским проблемам, приоритетным для общей евроазиатской геополитики. Китай выглядит намного сильнее этих двух стран с точки зрения экономического и демографического потенциала, однако российская военная мощь и высокий технологический уровень производства в Германии впечатляют Пекин, вынуждают его принимать асимметричные сглаживающие решения, подвигая Москву и Берлин к постепенному отходу от геополитического взаимодействия с США. Россия осознаёт сложность китайско-германского стратегического сотрудничества, которое подвергается неприкрытому американскому давлению и как следствие вызывает практически нескрываемые опасения Берлина по поводу растущих антигерманских настроений в лояльных США странах Восточной Азии. Москву также не устраивает стремление Пекина сколотить особый формат взаимодействия со странами Центральной и Восточной Европы, граничащими с Германией, и таким образом бесконтрольно войти в зону главной ответственности Евросоюза. Россию тревожит, что китайско-германское сотрудничество не строится как отдельный проект, а представляет из себя важную часть многостороннего плана по созданию единого евро-азиатского пространства, что явно противоречит российским национальным интересам [Ян Ли: 142].

Новая парадигма становления Российского государства

Концепция «Большой Евразии» в понимании России связана с взаимодействием с большой группой евроазиатских стран, испытывающих последствия резкого нарастания глобальной неопределенности. Выстраивание этих отношений во многом зависит от сотрудничества с Китаем в ходе реализации его инициативы «Один пояс, один путь», что свидетельствует о переформатировании системы геополитических контактов на материке. Евразия всегда была центром глобальных противоречий, причём не столько межгосударственных, сколько межцивилизационных, ориентированных на борьбу за контроль над важнейшими коммуникациями, товарными рынками, материальными и человеческими ресурсами [Наканиси: 371]. Общая геополитическая миссия России в «Большой Евразии» может актуализироваться вследствие комплексной интеграции, основанной на гармонизации системы национальных инноваций и проектов, федеральных программ, проектного управления, внедрения цифровых алгоритмов в национальную экономику.

Для РФ идея «Большой Евразии» подразумевает безопасное развитие континента, мирное взаимодействие Востока и Запада, попытку выхода Евросоюза из идеологического кризиса, последовательное превращение материка в центр глобальной экономики. Постепенная трансформация мирового порядка будет сопровождаться технологическими сдвигами, финансовыми кризисами, социально-политической нестабильностью, снижением эффективности международных институтов и национальных правительств и в итоге может превратить «Большую Евразию» в региональный цивилизационный центр. Его развитие возможно по нескольким сценариям, различным по типу субъекта интеграционной стратегии [Bobo Lo: 16]. Например, на континенте выделяются государства имперского типа: Россия,

Китай, Индия, Турция и др. Эти страны со временем могут попытаться трансформировать масштаб своего потенциала из локального – в общематериковый. Суть другого сценария сводится к сосредоточению цивилизационных сообществ по отраслевому, профессиональному и иному деятельностному признаку на базе глобальной цифровой платформы, продвигаемой США.

Россия пытается выработать собственное геополитическое понимание евро-азиатского континентального пространства. Так, «Большая Евразия» способна стать интеграционной основой для новой российской государственности, особенно на фоне дополнительных внешних угроз. В посткоронавирусный период она может способствовать геополитической интеграции на материке на основе прагматизма национальных интересов и внешнеполитических структур, отвечающих за трансформационные процессы [Priess: 3]. К сожалению, в России пока не освоен оптимальный способ интеграции экономических, социальных, культурных и духовных процессов. Тем не менее растущее российское политическое влияние уже сегодня укрепляет межнациональное сотрудничество. Парадигма новой российской государственности – это опора на макрорегионализацию и самодостаточность во многих сферах. При этом всё более важным становится геополитический рационализм, в соответствии с которым Евразия рассматривается как единый комплекс, как общее политическое и экономическое пространство.

Россия нацелена на постепенный переход к социальной экономике в формирующемся социальном государстве при эффективном гражданском обществе. За последнее десятилетие в стране снизился интерес к европейским ценностям, а общество потребления рассматривается как тупиковая идея: социальный ориентир на всестороннее развитие человека выглядит бесконечным феноменом, т. к. человек в своём развитии является воплощением бесконечности [Микава: 74].

Сегодня Российскому государству нужна теоретическая рационализация развития, направленная на возвращение роли активного хозяйственного субъекта, который практически мог бы совместить классический рынок с традиционной российской экономической системой, которая всегда исходила из идеи планомерного и целенаправленного человеческого труда. Отсюда – важность постоянной координации деятельности правительства и частного сектора, ориентированной на эффективное взаимодействие труда, капитала и государства в интересах национальных целей развития.

Развитие современного Российского государства видится как социокультурное целое или, иначе говоря, как система, включающая в себя политическую, экономическую и духовную составляющие. Национальные интересы России требуют конкурентных ответов на политические вопросы, составляющие идейные ориентиры для движения вперёд. Должна ли Россия развиваться как часть Запада или существовать отдельно от него, преобразуясь в согласии с национальными традициями? Сегодня для российской государственности наиболее важны политическая стабилизация, сохранение традиционной системы ценностей, выявление внутреннего потенциала, равновесных механизмов. Государственность представляет собой качественное состояние государства с общей преемственностью, которая позволяет осуществлять модернизационные проекты мирным, безболезненным путём. Это особенно важно для России, размеры которой и исторически сложившаяся дифференциация экономического развития различных её частей, ментальное разнообразие этносов и другие особенности определяют федеративное устройство государства [Moscoso: 131]. Таким

образом, российскую государственность сегодня можно трактовать как сложный комплекс элементов, структур, институтов, а также компонентов неполитического характера, обусловленных самобытностью социально-экономических, политических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности конкретного народа или объединения народов на нынешнем этапе развития российского общества в целом.

Сейчас наша страна стоит перед историческим выбором стратегии развития, ориентированной либо на воспроизведение сложившейся западной либеральной модели хозяйствования с приоритетом потребительских ценностей, либо на парадигму национального возрождения на базе национальной идеи христианской справедливости. История свидетельствует, что у России есть собственная локальная цивилизационная матрица, формирующая глубинные процессы эволюции, позволяющие развиваться, саморегулироваться и воспроизводить систему выживания в самых трудных условиях, что ярко показал период Великой Отечественной войны. Центральным элементом российской государственности – институциональное ядро, увязывающее в единую систему природно-климатическую, национально-демографическую, материально-экономическую и культурно-религиозную среду. Российская государственность реализует цивилизационную матрицу через политику, идеологию, армию, судебную систему, правоохранительные органы, внешнюю политику, внешнюю торговлю и другие сферы деятельности, содержащие в себе механизмы эффективного динамического саморазвития [Luchterhandt: 14]. Стремление укреплять национально-культурные традиции соответствует запросам российского общества, которое также приветствует устойчивое развитие общественной идеи в условиях последовательного интенсивного возрождения, поддержания и совершенствования собственных социокультурных форм и их обогащения новыми концепциями, адаптированными к региональной идее «Большой Евразии».

Концепция «Большой Евразии» как главный фактор российско-китайско-германского геополитического взаимодействия

Нестабильность экономико-политической и социальной системы США в настоящее время усиливает раздражение Берлина и Пекина, что подталкивает их к формированию ситуативного взаимодействия с расчётом на поддержку новой евроазиатской реальности со стороны России. КНР демонстрирует внимание к крупным проблемам, приоритетным для германских национальных интересов, включая вопросы глобальных климатических изменений, реформу ВТО, а также германо-российское энергетическое сотрудничество. Германия в свою очередь заинтересована в укоренении на внутреннем китайском рынке и для этого готова присоединиться к КНР в отстаивании для неё статуса привилегированного торгового партнёра ВТО [Чжан Тяньбин: 15]. Хотя ФРГ и КНР объективно дополняют друг друга экономически, они очень далеки друг от друга политически и ментально. При этом Китай в производстве ориентируется на выпуск массовой продукции, а Германия – на высокотехнологичные, но штучные товары. В этом случае оба государства заинтересованы в сотрудничестве, особенно в отстаивании своих прав через структуры ВТО.

Россию очень интересует китайско-германское взаимодействие на евро-азиатском континенте из-за сложных и глубоких перемен в мире – стремлении крупнейших стран перейти от примитивного наращивания производственных мощностей к развитию умного

производства с помощью новейших технологий. Москва готова строить трёхстороннее сотрудничество с Китаем и Германией – как с ключевыми континентальными партнёрами – на основе уважения суверенитетов, культурных традиций и особенностей общественно-политического строя. Сейчас три страны начинают осознавать значимость стратегической стабильности, которая способствует экономическому развитию без политического доминирования и стратегического давления на партнёров. Объективно Россия является стержнем «широтной интеграции» в Евразии, т. е. интеграционные процессы между Китаем и Германией не могут происходить в обход РФ, которая связывает региональное геополитическое пространство и осуществляет названную миссию мирными, дипломатическими средствами. Данная модель функционирует с учётом самого уязвимого и сложного аспекта – постепенного единения евро-азиатского геополитического пространства на основе добровольного присоединения разнородных регионов, наиболее лояльных мощной связке Россия – Китай – Германия [Kirp: 18].

Коллективный Запад полагает, что сдерживание развития Китая уже практически невозможно из-за его колоссальной демографической и экономической мощи. Иными словами, главной проблемой выступают не действия Поднебесной, а последовательное увеличение её и так могучего во всех отношениях совокупного потенциала. Россия и Германия не могут не признавать силу КНР, особенно после её стремительного вхождения в группу влиятельнейших мировых игроков. Это концентрирует их внимание к китайской действительности и множит попытки определить реальный вектор глобального развития и тенденций становления нового международного правопорядка. Москва и Берлин явно озадачены нынешней неопределённостью: непонятно, какую роль отводит себе сам Китай в развивающейся новой «большой игре», ведь от этого зависят основные контуры складывающегося миропорядка в XXI в. Россия и Германия осознают, что КНР сталкивается с множеством серьёзных проблем, которые порождены не низкой эффективностью государственного устройства или отсталостью управления, а реальными проблемами роста. В связи с этим отношения с Китаем наиболее значимы для РФ и ФРГ, потому что Пекин комплексно адаптируется к глобализации и даже стремится влиять на её содержание и формы. КНР видит в ней шанс для интеграции в мировую экономику и дальнейшего завоевания наиболее ёмких зарубежных рынков для расширяющейся номенклатуры китайских товаров [Juchler: 11].

По оценкам американских экспертов, Россия уже прекратила попытки встраиваться в структуры Запада на неприемлемых для Москвы условиях, кроме того не складываются и союзнические отношения с Пекином из-за стремления российского руководства к укреплению национального суверенитета и стойкого нежелания поступиться внешнеполитической самостоятельностью [Czerewko: 1–2]. Желание России действовать в качестве независимого игрока на евро-азиатском континенте явно снижает для неё ценность политического взаимодействия с конкурирующими державами и вынуждает проводить прагматичную внешнюю политику для выстраивания устойчивого равновесия между Востоком, Западом и Югом. Российские претензии на статус великой державы вполне оправданы. Россия – одна из немногих стран, органически не признающих гегемонию, доминирование или лидерство иных государств, о чём свидетельствует эффективное военно-политическое противодействие со стороны Москвы американским попыткам сохранить своё влияние на Ближнем Востоке. Миссия Россия во все исторические

периоды представляет собой поддержание геополитического равновесия и укрепление безопасности на обширном евро-азиатском пространстве [Ханэ: 5]. Реализовывать её можно исключительно в общепризнанных правовых рамках, при поддержке искусной дипломатии и с использованием необходимого силового потенциала.

Формула российского влияния на китайско-германское взаимодействие

В результате пандемии коронавируса активизируются процессы, ведущие к смене мирового порядка на основе формирующейся новой системы биполярности. В связи с этим быстрее стала меняться международная среда, в которой реализуется российская внешняя политика. В условиях возрастающей на континенте нестабильности, вызванной распространением традиционных и нетрадиционных угроз международной безопасности, многосторонняя и многоуровневая система стратегического партнёрства между Германией и Китаем сталкивается с новыми препятствиями. В отношениях с Пекином Берлин придерживается политики «одного Китая», то есть де-юре признаёт только КНР, не поддерживая дипломатические отношения с Тайванем, но вместе с тем развивая активные торгово-экономические и гуманитарные связи с Тайбэем. Это вызывает откровенное недовольство китайского руководства, но устойчиво развивающееся германо-российское инвестиционное взаимодействие заставляет Китай «закрывать глаза» на сотрудничество Германии с Тайванем, поскольку России очень выгодно китайское давление на Тайбэй [Schubert: 8]. Кроме того, Пекин весьма заинтересован в развитии сотрудничества с Берлином в финансовой сфере, вследствие чего во Франкфурте-на-Майне был создан германо-китайский расчётно-клиринговый центр для проведения финансовых сделок в юанях, в том числе и с тайваньскими фирмами, работающими на рынке КНР.

В последнее время Китай заметно активизировал работу по интернационализации юаня и формированию собственной системы международных платежей, для чего были определены десять клиринговых банков, получивших право проводить межбанковские расчёты в юанях. Цель вполне очевидна – превратить юань в серьёзную мировую резервную валюту и заменить им американский доллар, что также даёт реальную возможность международным финансовым институтам получить альтернативу, особенно ценную для развивающихся стран, активно усиливающих сотрудничество и торговлю с КНР. Как представляется, в связи со складывающейся ситуацией жёсткого противостояния с США Россия и Китай должны окончательно перейти к экономическому сотрудничеству без финансовых посредников, осуществляя расчёты в национальных валютах, а это позволит вывести взаимоотношения двух стран на более высокий уровень. В Германии считают, что разностороннее тесное сотрудничество с Китаем представляет собой не отдельный узкий двусторонний проект, а проект исключительно геополитический, выступающий в качестве составной части более широкой идеи по формированию единого евро-азиатского экономического пространства, на котором финансовые расчёты будут осуществляться на бездолларовой основе [Esteban: 75]. В реальности для России экономические связи с КНР и ФРГ являются наиболее важными с точки зрения участия в мировом хозяйственном процессе, а с учётом накапливающихся признаков разрушения мирового экономического порядка китайско-германское сближение может стать фундаментальной категорией по эффективному противодействию протекционизму и

предоставлению России реальной возможности на равных войти в китайско-германское экономическое взаимодействие и таким образом ускорить собственную модернизацию.

Российская государственность в формате «Большой Евразии»

Россия продолжает формировать собственное видение пространственного развития на основе исторически устоявшихся ценностей, ориентированных на создание большого евро-азиатского партнёрства, имеющего стратегическое значение для подтверждения геополитической состоятельности российской государственности. Её развитие всегда сопровождалось мощным стремлением к региональной интеграции на материке. Это объективный и закономерный процесс, т. к. его главная цель – международно-правовое оформление исторически складывающейся геополитической общности государств. Россия обладает идеальным внешнеполитическим потенциалом для развития экономической, логистической, военно-политической интеграции Азии и Европы, который постепенно обретает форму структурообразующего ядра «Большой Евразии» как формирующегося евро-азиатского цивилизационного пространства [Янь Цзянфэн: 4]. На этой территории сегодня сталкиваются геополитические интересы трёх основных «центров силы»: России, Китая и США, – жёстко конкурирующих за технологическое лидерство, составляющее реальное содержание четвёртой промышленной революции, обеспечивающей стремительный переход к шестому технологическому укладу. Для «Большой Евразии» очень важно целеполагание России, которая ищет свою цивилизационную идентичность и намеревается следовать стратегии опережающего развития и создания большого евро-азиатского партнёрства.

Российская концепция «Большой Евразии» способна стать основной идеей регионального взаимодействия с участием таких государств-цивилизаций, как Китай и Индия, которые уже высоко оценили её востребованность и потенциальную эффективность, особенно в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Сложные геополитические процессы последних нескольких лет можно рассматривать как серьёзные попытки Москвы уйти от исторического выбора между принадлежностью к Европе и цивилизационной самостоятельностью. Россия не должна быть европейской или азиатской периферией, поскольку главной целью для неё является осмысление Евразии в категориях регионального сотрудничества, нацеленного на решение задач национального развития каждого из населяющих её народов. России явно по силам роль системного интегратора в «Большой Евразии», т. к. единое государство было, есть и остаётся самым важным фактором дальнейшего развития российской идентичности. Активное формирование российских национальных интересов понимается сегодня в качестве приоритета государственной стратегии в международных делах и изменений в системе базовых ценностей общества, что приводит к совершенно новому позиционированию России, прежде всего, в рамках евро-азиатского континента [Агню: 5].

Россия как геополитическая единица – некое единство во множестве, страна пространственной и межэтнической дифференциации, где происходит не только тесное взаимодействие, но и взаимопроникновение национальных культур.

Единение государств континента Евразия детерминировано глобальной геополитической конкуренцией, напряжёнными демографическими тенденциями, изменениями в структуре населения отдельных стран, когда намечается количественное снижение доли

квалифицированной рабочей силы. Большинство государств евро-азиатского региона не смогут в обозримой перспективе обеспечить устойчивый экономический рост, поскольку не в состоянии поддерживать необходимое технологическое развитие и достаточный уровень информационно-коммуникационного обеспечения общественных процессов. В долгосрочном плане странам «Большой Евразии» придётся достигать непопулярных интеграционных компромиссов, диктуемых жёсткой логикой общественного стратегического выбора в интересах макроэкономической стабильности [Popescu: 9]. Доступность финансовых ресурсов в Евразии становится стратегической задачей в условиях сжатия рынков долгосрочных кредитов, когда крупнейшие доноры США, Китай и Евросоюз уделяют всё больше внимания ресурсосбережению и повышению собственной энергоэффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агню Джон.* Гуробарука дзидай но тисэйгаку : [Геополитика в эпоху глобализации] // Токубэцу коги. “Сэкай кэнкю”. 2016. № 6. С. 1–17. (На яп.).
- Микава Канро.* Синригаку то дзиссёюги : [Психология и реализм]. Химэдзи-Доккё дайгаку. “Кэнкю рэпото”. 2017. № 2. Т. 34. С. 23–82. (На яп.).
- Наканиси Хира.* Атарасий “Тэйкоку” то Амэрика : [Новая «Империя» и Америка]. Токио, Хосэй дайгаку кэнкюсё сюппан, 2014. (На яп.).
- Ханэ, Дзиро.* Тисэйгаку но рюко гэнсё : [Модное явление геополитики]. Токио, Хитоцубаси дайгаку но кэйдзай кэнкюсё сюппан, 2019. (На яп.).
- Янь Цзяньфэн.* Оучжоу-Ячжоу Цзюньчжэн Хэцзо : [Военно-политическое сотрудничество Европы и Азии]. Пекин, Чжунго цзинци, 2017. 14 с. (На кит.).
- Ян Ли.* Оумин цюаньцю чжилигуань дэ шиюнчжуи чжуаньсин : [Модель прагматического поворота европейской точки зрения на глобальное управление]. Пекин, Чжунго шэхуйкэсююань. Цзиньци юаньцзюсо чубаньшэ, 2015. (На кит.).
- Чжан Тяньбин.* Цюаньцю чжицаоэ цзинчжэнли : [Глобальная производственная конкурентоспособность]. Пекин, Чжунго гуне чаньпинь яньцзююань чубаньшэ, 2016. 94 с. (На кит.).
- Czerewko, Jeffrey.* Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment White Paper. Department of Defence. Washington, 2019. P. 1–2. 151 p.
- Bobo Lo.* Greater Eurasia. The Emperor’s New Clothes or an Idea Whose Time Has Come? Études de l’Ifri. Russie. Nei. Reports. 2019. № 27.
- Esteban, Mario.* Europe in the Face of US-China Rivalry. A Report by the European Think-tank Network on China. Real Instituto Elcano. Madrid, 2020. P. 75. 185 p.
- Herrmann, Bernd.* Europa und die neue Weltordnung. Analysen und Positionen zur europäischen Außen- und Sicherheitspolitik. Berlin, Heinrich Böll Stiftung, 2016. 171 s. (In German).
- Juchler, Ingo.* Volksrepublik China. Eine neue Weltmacht? Zeitschrift für Politische Bildung. Baden-Württemberg, 2008. 60 s. (In German).
- Kipp, Jacob.* An Emerging China-Russia Axis? Dirksen Senate Office. Washington, DC. 2019. 244 p.

Luchterhandt, Otto. Auf dem Wege zur Gleichschaltung der Zivilgesellschaft. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Kritische Kommentare. Universität Hamburg. 2016. 40 s. (In German).

Moscoso de la Cuba, Pablo. The statehood of “collapsed” states in Public International Law. *Agenda International* Año XVIII. 2011. № 29. С. 121–174.

Priess, Frank. Corona-Krise: Der deutsche Blick auf Asien. Konrad Adenauer Stiftung. Berlin, 2020. 21 s. (In German).

Popescu, Nicu. Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. EU Institute for Security Studies. Chillot Paper. 2014. № 132.

Schubert, Gunter. (2011). The European Demension of German-Taiwanese Relations – A Critical Assessment. Heidelberg University. 28 p.

REFERENCES

Agnew John. (2016). Gurobaruka jidai no chiseigaku [Geopolitics in the age of globalization], Tokubetsu kogi. “Sekai kenkyu”, 6: 1–17. (In Japanese).

Bobo Lo. (2019). Greater Eurasia. The Emperor’s New Clothes or an Idea Whose Time Has Come? *Études de l’Ifri. Russie. Nei. Reports*, 27.

Czerewko Jeffrey. (2019). Russian Strategic Intentions. A Strategic Multilayer Assessment White Paper. Department of Defence. Washington. P. 1–2. 151 p.

Esteban, Mario. (2020). Europe in the Face of US-China Rivalry. A Report by the European Think-tank Network on China. Real Instituto Elcano. Madrid. P. 75. 185 p.

Hane Jiro. (2019). Chiseigaku no ryuko gensyo [Am attuale phenomenon of geopolitics], Tokyo, Hitotsubashi daigaku no keizai kenkyusyo. (In Japanese).

Herrmann, Bernd. (2016). Europa und die neue Weltunordnung. Analysen und Positionen zur europäischen Außen- und Sicherheitspolitik. Berlin, Heinrich Böll Stiftung, 175 s. (In German).

Juchler Ingo. (2008). Volksrepublik China. Eine neue Weltmacht? *Zeitschrift für Politische Bildung*. Baden-Württemberg, 60 s. (In German).

Kipp Jacob. (2019). An Emerging China-Russia Axis? Washington, DC, Dirksen Senate Office, 244 p.

Luchterhandt Otto. (2016). Auf dem Wege zur Gleichschaltung der Zivilgesellschaft. Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Kritische Kommentare. Universität Hamburg, 40 s. (In German).

Mikawa Kanro. (2017). Shinrigaku to jissyoshugi [Психология и реализм]. Himeji-Dokkyo daigaku. *Kenkyu repoto*, 3, vol. 34: 23–82. (In Japanese).

Moscoso de la Cuba, Pablo. (2011). The statehood of “collapsed” states in Public International Law. *Agenda International* Año XVIII, 29: 121–174.

Nakanishi Hira. (2014). Atarasiy “Teikoku” to Amerika [New “Imperia” and America], Tokyo, Hosei daigaku kenkyusyo. (In Japanese).

Priess Frank. (2020). Corona-Krise: Der deutsche Blick auf Asien. Berlin, Konrad Adenauer Stiftung, 2020, 21 s. (In German).

Popescu Nicu. (2014). Eurasian Union: the real, the imaginary and the likely. EU Institute for Security Studies. Paris, Chillot Paper, 132.

Schubert Gunter. (2011). The European Demension of German-Taiwanese Relations – A Critical Assessment. Heidelberg University, 23 p.

Yan Jiangfeng. (2017). Ouzhou-Yazhou Junzheng Hezuo [Military-political cooperation between Europe and Asia], Beijing, Zhongguo jingji chubanshe, 14 p. (In Chinese).

Yang Li. (2015). Ouming quanqiu zhiliguan de shiyongzhuyi zhuanxing [Model of a pragmatic turn of the European point of view on global governance], Beijing, Zhongguo shehui kexueyuan. Jinji yuanjiesuo. (In Chinese).

Zhang Tianbing. (2016). Quanqiu zhizaoye jingzhengli [Global industrial competitiveness], Beijing, Zhongguo gongye chanpin yanjiuyuan, 94 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию 01.09.2020

Received 1 September 2020

Для цитирования: Балакин В.И. Смена для России парадигмы развития в условиях актуализации концепции «Большой Евразии» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 3. С. 54–64. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018

For citation: Balakin V.I. (2020). Smena dlya Rossii paradigmy razvitiya v usloviyah aktualizacii koncepcii «Bol'shoj Evrazii» [Change of the development paradigm for Russia in the conditions of “Greater Eurasia” conception relevance], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2020, 3: 54–64. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10018